

УДК 159.9.01

Б. Шмидт, В. Б. Хозиев

**Теоретические и эмпирические модели родительства при детском
аутизме (PAC). Часть I**

Аннотация:

В статье проводится анализ психологических подходов к проблеме родительства при аутизации ребенка. Рассматриваются сложные феномены принятия и непринятия ребенка с PAC в семье, особенности динамики материнского отношения и процесс выстраивания отношений родителей с медиками и дефектологами, а также существующие в психологии представления о «холодной» матери как одной из причин детской аутизации.

Ключевые слова: ранний детский аутизм, расстройства аутистического спектра (PAC), родительство, синдром Мюнхгаузена по доверенности.

Об авторах: Бернхард Шмидт, организатор системы реабилитации и абилитации для семей аутистов, Пурский университет в Бохуме, Германия; эл. почта: gmbh@solidarhotel.de

Хозиев Вадим Борисович, доктор психологических наук, профессор, Государственный университет «Дубна», зав. кафедрой клинической психологии факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: v_hoziev@mail.ru

Карл Витакер: «Когда семья в отчаянии, она меняется, если нет — остается прежней... Как человек имеет право на самоубийство, семья имеет право на самоуничтожение».

Непросто определить жанр нашей статьи¹. Скорее, у нас получилось своего рода обобщение 60-70-летней теории и практики специализированной психологической работы с семьями детей с РАС². Мы с Б. Шмидтом знакомы уже несколько лет, и хотя у нас еще нет общности языка И. Ильфа и Е. Петрова, но сближающие нас темы, методы и подходы к аутизму, и главное: единая гуманистическая платформа – позволяют мыслить и излагать свои позиции как хорошо оформленной диаде.

Таким образом, данная статья есть результат наших длительных размышлений и исследований в русле определения одной из основных причин аутизации – условного *вклада* семьи и каждого родителя в отдельности в происхождение и развитие РАС у детей. Традиционно наш стиль изложения будет иметь структуру диалога. Для отечественного гуманитария – это не проблема, но даже своего рода *подача*, особенно после понимания литературного творчества, по М. М. Бахтину, как диалога идей, культур и автора с читателем и самим собой.

Б. Шмидт в своих замечательных научных памфлетах привычно поднимает тему, нечасто встречающуюся на страницах отечественной научной периодики, а именно: коллизию нравственного поведения исследователя, ответственного за формулируемые обобщения по итогам научного творчества [20-28; 12; 13]. Один из наиболее удавшихся нашему соавтору топиков – изложение тематического перехода в рамках дискурса «исследование – миф – догма». Необходимо упомянуть широко известный и, казалось бы, незыблемый миф, как будто сводящий этиологическую тему о причинах аутизма к так называемой «холодности матери» («Refrigerator Mother») [21]. Еще 20-30 лет назад он был доминирующим в психологии, педагогике и дефектологии детского аутизма. Но сегодня его отчасти предвзятость, ангажированность и ошибочная неточность заметна в любом основательном исследовании клинического случая конкретного ребенка с РАС и его семьи.

Холодность в отношении к ребенку (неэмпатичность, эмоциональная или операциональная невключенность взрослого во взаимодействии с младенцем и ребенком

¹ Статья скомпилирована из двух книг Б. Шмидта [26; 27], нашей переписки и общих дискуссий и размышлений, исходя из близости позиций по трудным вопросам осмыслиения проблематики РАС у детей и в родительстве. Перевод с немецкого А.Д. Редькиной.

² РАС – расстройство аутистического спектра – так точнее характеризовать довольно непростое по своим нозологическим признакам детское заболевание. РДА (ранний детский аутизм) – требует более точной симптоматической определенности, что при существующей диагностической практике не всегда возможно.

раннего детства и др.), безусловно, будет способствовать его аутизации и свертыванию эмоциональной ориентировки в человеческом пространстве, но насколько нозологически оформленной и квалифицированной как РАС станет возникшая у ребенка симптоматика – этот вопрос остается для психологии аномального развития открытым. Эта холодность может быть результатом *дидактичности* родителя, который пытается в отношении ребенка реализовать какую-либо модель воспитания, общения или развития (какую-либо идею фикс); или, назовем деликатно, *собственного психического незддоровья* родителя (шизоидности, психотичности, истероидности и др.); или *алекситимичности* (неумения общаться и взаимодействовать с ребенком), которая по тем или иным причинам культивируется в предыстории и окружении родителя.

Вместе с тем наиболее точным психологическим указанием на природу родительского (в основном – материнского) отношения к своему ребенку является квалификация социальной ситуации развития как деструктивной. Отметим также, что материнская «холодность» имеет множество вариантов осуществления, природа ее различна, в различных исследованиях мы можем видеть сложное влияние матерей, в том числе, например, на происхождение шизофрении у сыновей, аутизацию, психопатизацию и др.

Вообще, читателю лучше всего понять уже в начале нашей статьи, что аспект развития семейного социума (мы традиционно будем вслед за Л. С. Выготским именовать эту важнейшую и генерирующую структуру как Социальную Ситуацию Развития – ССР) будет ключевым, в том числе, в этиологической (причинно-следственной) трактовке природы РАС у каждого конкретного ребенка [2-5; 8; 11]. Одновременно необходимо преодолеть удивительную особенность существующей психологической традиции – рассматривать ребенка-аутиста как развивающегося отдельно от мамы, папы, бабушки, сибсов и др., согласно неким внутренним, болезненным, патологическим, а не внешним законам детерминации.

Эта своего рода «робинзонада аутизации» длительное время была принята в психологии развития и клинической психологии как канон, а исследователи и практики преодоления аутизма слепо следовали ей в течение последних десятков лет и продолжают

следовать. Так называемое «научное сообщество» было и остается «сообществом невежества» более пятидесяти лет¹.

Справедливо отметить, что в области аутизма трудно взвешенно и психологически объективно оценить все обстоятельства конкретного случая РАС: существуют проблемы со сбором анамнеза, точностью постановки диагноза, обоснованием представлений об этиологии заболевания, прослеживанием динамики коррекционной помощи и др. Это связано, с одной стороны, с распространением через СМИ идей об аутизме среди населения, экспоненциальным увеличением как количества поставленных диагнозов РАС, так и изданных научных и публицистических текстов в последние десятилетия, снятых научно-популярных и художественных фильмов, распространенностю знаков общественной обеспокоенности возрастающей частотой аутизации и др. Гигантской проблемой становится урон, наносимый ребенку с РАС неэффективной родительской, медицинской и дефектологической поддержкой.

Количество аутичных детей 50 лет назад составляло приблизительно 2-4 ребенка на 10000. Аутизм был, в отличие от сегодняшних дней, довольно редким нарушением развития. Сегодня же его распространенность составляет 1 случай на 100 или даже на 50-70 детей. Таким образом, распространенность выросла с 0,03%, как минимум, до 1%. Вероятно, эта статистика фиксирует не только объективный прирост детей с РАС, но и более точную современную диагностику, а также обостренную внимательность родителей к своим детям [1; 6; 7; 9; 10; 13; 16]. К сожалению, статистика РАС в России собирается без использования принятых во всем мире методов и потому не является сколь-либо точной, но общим закономерностям, конечно, подчиняется².

¹ Такую эмоциональную оценку Б. Шмидта нами было решено оставить в тексте, имея в виду тот урон, который был нанесен «аутистологии» как сфере гуманитарных исследований и методических разработок за эти годы. Ребенок из сказки «о платье голого короля» слишком долго не приходил в психологию, чтобы проверить миф о «холодной матери» и не закрыть это упрощенное представление о причинах и динамике развития детей с РАС.

² Статистические данные об аутизме [Электронный ресурс] // Контакт. Режим доступа: <https://contact-autism.ru/news/statisticheskie-dannye-ob-autizme> (дата обращения: 03.04.2021).

Рисунок 1. Статистика РАС в США в 2020г.

Трудно сказать, кто впервые обратил исследовательское внимание на симптоматику аутизации, наступающую на фоне депривационного отношения к новорожденному, младенцу или ребенку раннего детства. Для российской традиции важнейшим этапом стали исследования Н. М. Щелованова 1930-х гг., в которых он анализировал и исправлял воспитательные ошибки детдомовского обихода [14]. Преодоление сенсорной и эмоциональной депривации (недостаточности *непосредственно-эмоционального общения с родителем*, как позднее назовет эту форму взаимодействия ребенка и взрослого выдающийся знаток детства, ученик и последователь Л. С. Выготского, Д. Б. Эльконин) даже у детдомовского ребенка, которому «не повезло» с родителями, может происходить именно по линии доступного общения и взаимодействия, в которых представлены все основные психологические предпосылки для психического и личностного развития (речевого, познавательного, эмоционального, личностного и др.).

В западной психологической традиции Дж. Боулби уже в 1960-х, опираясь на работы Р. Шпица, показал важность социального взаимодействия для развития детей [18; 27]. Это было новаторством, поскольку наиболее убедительными концептуальными

моделями детского развития в то время казались достаточно механистичные теория конвергенции В. Штерна (двух факторов: наследственности и среды) и преформистская теория Ж. Пиаже, согласно которой ребенок развивается из самого себя. Удивительно, но гегельянская модель развития личности в ходе сложно детерминируемой самодеятельности, осуществленная в марксизме, оказалась невостребованной, и, напротив, кантианская идея созревания превалировала в понимании «Души ребенка» Т. В. Прейера и концепции детского «сада» Ф. Фребеля, трактуя развитие ребенка как цветка, который растет сам по себе, а для его роста нужны лишь вода и солнце.

Однако Боулби показал на примере госпитализма, как и Шпиц до него на примере детских домов, что «воды и солнца» в виде еды и физического ухода недостаточно для психологически благополучного развития. Таким образом, у детей, лишенных социального взаимодействия, возникают значительные нарушения и психические проблемы, похожие на РАС, а социальные институты типа детских домов, яслей, детских садов не способны заменить родителей в выполнении важнейшей функции адекватного, через эмоциональное общение и взаимодействие, включения детей в культуру. Уже в 1960-70-е гг., после открытия и описания симптоматики РАС и более глубокого взгляда на содержание родительского ухода и общения с детьми становится понятно, что не все так просто, а быть родителем – не просто ответственно, но и требовательно к психологическим возможностям личности, одной родительской любви недостаточно. В частности, М. Эйнсворт с коллегами писала:

«Родители ... могут обладать иррациональным и искаженным восприятием своих детей, возникающим не из-за идентификации, а из базовых установок, приобретенных ценностей и стандартов или других аспектов их предыдущего опыта. Пример: с младенчества мать считала мальчика умственно отсталым из-за отсутствия у него реакции на нее. Хотя она постоянно парила вокруг него в опекающей манере, она оставалась эмоционально изолированной и отстраненной и смотрела на него как на семейный позор. Мальчик становился все более замкнутым, с поверхностными отношениями. Постепенно он стал соответствовать восприятию матери как отсталого из-за полного отсутствия у него школьных достижений, несмотря на превосходные интеллектуальные способности. Недостаточная привязанность проистекает из ряда причин: (1) Из-за нездорового характера или глубоко невротических или психотических наклонностей родитель может быть неспособен тепло относиться к

младенцу. (2) Мать может быть холодной и изолированной личностью, с небольшой или вообще отсутствующей способностью «дать» эмоциональность своему ребенку.

Пример: мать, привлекательная, но серьезно заторможенная и холодная молодая женщина, чувствовала себя совершенно неспособной ответить своему первенцу, мальчику. Она заботилась о нем, но осознавала, что не чувствовала к нему тепла и никогда не получала удовольствия от взаимодействия с ним. Хотя она была рядом с ним физически, но позволяла ему играть одному в течение многих часов в манеже в течение первого года жизни, уходя в себя или читая и лишь изредка обращая на него внимание, проверяя его безопасность. Во второй половине второго года жизни мальчика его отец забеспокоился из-за отсутствия у ребенка реакции или интереса к окружающей среде, и после психиатрического обследования стала очевидной аутистическая психотическая картина» [15].

Примечательным для обсуждаемой нами темы является внимание Шмидта к судьбам самих исследователей. Дело в том, что целый ряд из них имели детей-аутистов. Для понимания ролевого антагонизма родителя и исследователя особое значение имеет осознание, кто ты в данный момент. Один из основных тезисов Шмидта состоит в том, что люди, соединяющие двойную роль родителей/исследователей, были своего рода троянским конем, посредством которого осуществлялось влияние родителей на ход исследований. Нередко по описаниям аутичные дети становились похожи на характерных «трудных детей», развитых, но плохо контролируемых. И внезапно возникал вопрос о причинах детских расстройств, ведь не было ни видимых нарушений, ни явных проблем семей «низшего класса» (имеется в виду отсутствие проблем госпитального невнимания к ребенку).

Бихевиористы, в первую очередь Б. Ф. Скиннер, представляли крайнюю форму этой идеи. Скиннер не только описал её в своей утопии «Walden two», где детей размещали в так называемых «кабинках-кубиках», но и построил в реальной жизни «детский инкубатор» (ориг. «baby-tender») для своей младшей дочери – звуконепроницаемый ящик с окном и кондиционером. Идея заключалась в том, чтобы максимально упростить уход за ребенком для матери [29; 30].

«Иногда мне хочется, чтобы мы жили в обществе, где за каждым домом ухаживала бы обученная медсестра, чтобы каждую неделю младенцев кормила и купала новая медсестра. Не так давно мне довелось наблюдать за ребенком, у которого в течение полутора лет была слишком чуткая и ласковая няня. Ей пришлось уйти. Когда

пришла новая няня, ребенок кричал три часа, делая лишь несколько коротких перерывов для дыхания. В конце месяца и ей пришлось уехать, и пришла новая. На этот раз ребенок кричал всего полчаса. Как это часто бывает в хорошо организованных семьях, эта няня осталась лишь на 14 дней. Когда появилась следующая няня, ребенок ушел от предыдущей без каких-либо затруднений. Должен признаться, мне хотелось бы, чтобы матери тоже можно было бы иногда менять! Если только они не чрезмерно благоразумны».

«Есть очень разумный способ взаимодействия с детьми. Относитесь к ним так, как если бы они были взрослыми. Осуществляйте процедуры одевания и купания с осторожностью. Всегда будьте объективны и дружелюбны в своем поведении. Никогда не целуйте и не лелеите детей; никогда не берите их себе на колени. Если нет другого выхода, поцелуйте их в лоб, когда желаете спокойной ночи. Утром обменивайтесь рукопожатием. Погладьте их по голове, когда они особенно хорошо справляются с трудной задачей» [27, с. 23-24].

Эта pragматическая идеология, пусть даже изложенная иронично, была основана на убеждении, что необходимо должным образом обусловливать поведение людей, чтобы поддерживать всеобщие мир и счастье. Социальное взаимодействие, эмоциональность в общении, уважаемая и культивируемая родителем личностная траектория ребенка при этом не только не нужны, но и могут мешать. Понятие «социализация», имеющее в современной гуманитарной науке множество ликов, при всем ощущении важности и нужности этого процесса все еще не имеет точного психологического значения. Социализация может пониматься механистически, как «рецептурное», формальное выполнение актов социального взаимодействия с ребенком, ухода за ним, кормления, выполнения гигиенических процедур и др. Но социализация, вслед за Л. С. Выготским, его учениками и последователями, может восприниматься как развертывание вокруг ребенка всех необходимых культурных условий его развития по принципу *психика есть интериоризованная культура*.

В самом деле, ключевой момент состоит в осмыслении того, что есть основная детерминанта развития, как оно складывается и к чему ведет. Шмидт находит точные слова для характеристики дискурса: *догма* и *фикация*. Российское сознание, думается, переполнено содержательными примерами советских философических и идеологических примеров *догм* — *этих маленьких мертвых островков предполагаемой безопасности, созданных трусами в ревущем океане жизни, порожденном страхом*. Статический элемент любой доктрины становится особенно очевидным в области аутизма как «нарушения

развития». Развитие всегда динамично, всегда представляет собой сложное взаимодействие человека и мира. Полное отрицание возможностей развития аутичных детей является и может быть только догматическим.

«Дети с аутизмом необучаемы»; «вы не можете заставить их общаться, но вы можете научить их простым навыкам»; «большинство аутистов останутся несамостоятельными на всю жизнь»; «прогноз для аутичных детей неутешительный» – такие заявления произносятся так часто, что легко поверить, что они являются истиной. Таково современное знание об аутизме, но оно подчеркивает лишь наше непонимание и беспомощность в отношении лечения или предотвращения аутизма – такова позиция Е. и Н. Тинберген [32].

Одна из догм, отрицающих влияние родителей на ребенка как основной причины аутизма, как раз заключена в непонимании психологического значения социализации¹. Аутизм – это сложное заболевание, проистекающее из-за сочетания первичного и вторичного дефекта [10]. Первичный дефект образуется из функциональной или органической недостаточности на определенном этапе развития, а на ее основу накладывается вторичный дефект в виде полной невозможности родителей и дефектологов вернуть ребенка в нормативное лоно развития. Накопляющиеся проблемы, связанные с вторичным дефектом, искажение траектории развития не позволяют ребенку активно впитывать культуру и присваивать необходимые ориентиры социальной жизни.

Врожденный дефект – еще одна первопричина аутистических расстройств, признаваемая за догму. «Случилось как случилось» – кажется, так фаталистически постулируя, можно пытаться исключить психогенную причину, сосредоточив свои исследования в области физиологии и генетики. Такие причины не были найдены до сих пор и, возможно, не будут найдены никогда, поскольку их не существует.

Аутисты не поддаются обучению / терапии – чтобы исключить ответственность за причины педагогических и психологических неудач, нужно было категорически (в

¹ Характеризуя стиль изложения и полемический пафос Шмидта, обратим внимание, как тонко он выделяет основную проблему. Мы в нашей практике работы с детьми с РАС иной раз смущаемся опубликовать панораму подлинных взглядов, позиций и ориентировки родителей в их проблеме, не считая это чем-то важным. Иногда нам нужен «волшебный» пинок со стороны объективного наблюдателя Б. Шмидта, примерно так, как важное гегелевское предостережение не принимать «видимое за значимое» находит свой отклик в научном творчестве каждого исследователя. В этом смысле родовое преимущество концепции Выготского, ставящее в центр детского развития опосредование культурой с помощью ближнего взрослого, ощущается до сих пор, несмотря на уже скоро сто лет от обнародования этой важнейшей гипотезы.

качестве догмы) отказать детям с аутизмом в каких-либо возможностях развития. В результате аутизм был определен как «генетически обусловленное, пожизненное и неизлечимое заболевание». И далее, негласно, был признан не поддающимся терапии и воспитанию.

Родители как эксперты – родители аутичных детей, даже с соответствующим образованием, могут быть экспертами в этой области, но и тогда проблема конфликта интересов между ролями эксперта и родителя остается. При этом абсурдно объявлять родителей экспертами только потому, что у их ребенка аутизм и принимать их в качестве надежного источника для исследований. Исследование родителей детей-аутистов традиционно проводилось на основе анкет и опросников, было показано, что эти родители не имеют каких-либо особых черт.

Л. Винг писал, что многие аутисты – это потенциально нормальные дети, чья социализация так или иначе пошла неправильно, а во-вторых: это часто можно связать с чем-то в условиях раннего развития – иногда с пугающим происшествием, но чаще всего с чем-то в поведении родителей, в особенности матерей. Мы не обвиняем этих несчастных родителей. Они были либо просто неопытными (отсюда, возможно, высокая заболеваемость среди первенцев); или чрезмерно тревожными; или чрезмерно навязчивыми; или, чаще всего — это люди, которые сами находятся в стрессе. По этой и многим другим причинам родители аутистов заслуживают такого же сострадания и, возможно, так же нуждаются в помощи, как и сами аутисты [33].

Wing указывал также на механизм оформления стигматизации:

Другие родственники могут оказать помощь и поддержку, но иногда их отношение может быть менее конструктивным. Они могут чувствовать, что ребенок-инвалид позорит всю семью (не учитывая того факта, что у всех семей когда-то в их истории были родственники-инвалиды). Они могут пытаться переложить вину на одного или другого родителя или же критиковать решения, которые родители принимают относительно домашнего или интернатного ухода за ребенком, а также критиковать их методы обучения и воспитания. Хуже всего то, что они могут отвергать ребенка и избегать встречи с ним, не вовлекать его в семейные дела, поездки или встречи [19; 33].

Великолепным обобщением Е. и Н. Тинберген Б. Шмидт подводит итог анализа сложного амбивалентного отношения родителя к ребенку:

«Конечно, очень больно думать, что родитель мог внести свой вклад в катастрофу, случившуюся с его ребенком. Это делает принятие теории психогенного происхождения аутизма эмоционально практически невозможным для родителей аутичных детей, даже перед лицом весьма убедительных доказательств. Мало того, что существует такое иррациональное сопротивление конкретно этой идее и желание, чтобы генетическая или какая-либо другая случайность лежала в основе аутизма, но родители, опять же вполне естественно, также чувствуют, что приверженцы психогенной теории жестоки по отношению к ним. Как неоднократно говорил нам доктор Л. Винг: «Вы жестоки к матерям». Тем не менее, когда мы публикуем то, что считаем хорошим аргументом в пользу преимущественно психогенного происхождения аутизма, мы делаем это потому, что шансы детей на выздоровление – или на предотвращение развития аутизма – повышаются за счет терапии, основанной на этом понимании; и интересы детей должны быть на первом месте. Если нам приходится выбирать между причинением боли некоторым матерям и отказом спасти множество детей из этой катастрофической нисходящей спирали, то мы чувствуем, что у нас нет другого выбора, кроме как «быть жестокими по отношению к матерям». Не стоит забывать, что то, что чувствует мать себя обиженной или нет, столкнувшись с психогенным пониманием причин аутизма, во многом зависит от нее – нам знаком ряд матерей, каждая из которых выбрала преодолеть свое чувство вины или, скорее, сублимировать его в огромные усилия, чтобы помочь своему ребенку, и в ряде случаев с выдающимся успехом. Такие матери говорили нам о своем счастье после этого достижения, которое бы они упустили, если бы мы, или они сами, не были «жестоки»» [31; 32].

Продолжение следует...

Библиографический список:

1. Башина В. М. Аутизм в детстве. М.: Медицина, 1999. 236 с.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Издательство «Лабиринт», 1999. 352 с.
3. Выготский Л. С. Основы дефектологии. СПб.: Лань, 2003. 654 с.
4. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 3. Проблемы развития психики / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.

5. Гальперин П. Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 44 с.
6. Лебединская К. С. Дети с нарушениями общения: Ранний детский аутизм / К. С. Лебединская, О. С. Никольская, Е. Р. Баенская и др. М.: Просвещение, 1989. 95с.
7. Лебединский В. В. Аутизм как модель эмоционального дизонтогенеза // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1996. №2. С.18-24.
8. Лебединский В. В. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция / В. В. Лебединский, О. С. Никольская, Е. Р. Баенская, М. М. Либлинг. М.: Изд-во МГУ, 1990.
9. Хозиев В. Б. Аутизм как фокус-тема современной психологии развития и клинической патопсихологии // Вестник государственного университета «Дубна». Серия: Науки о человеке и обществе. 2017. №1. С. 42-53.
10. Хозиев В. Б. Аутизм: детское развитие «мимо игры и культуры» // Вестник государственного университета «Дубна». Серия: Науки о человеке и обществе. 2018. №2. С. 29-53.
11. Хозиев В. Б. Опосредствование в теории и практике культурно-исторической концепции // Культурно-историческая психология. №1. 2005. С. 25-36.
12. Шмидт Б. Аутизм и сексуальность / Б. Шмидт, К. Дёлер, Д. Дёлер // Вестник государственного университета «Дубна». Серия: Науки о человеке и обществе. 2018. №2. С. 9-29.
13. Шмидт Б. На пути теории аутизма // Вестник государственного университета «Дубна». Серия: Науки о человеке и обществе. 2017. №1. С.27-42.
14. Щелованов Н. М. О воспитании в домах младенца // «Вопросы материнства и младенчества». 1938. № 3-5.
15. Ainsworth, Mary D. Salter, Andry, R. G, Harlow, Robert G, Lebovici, S, Mead, Margaret. et al. (1962). Deprivation of maternal care: a reassessment of its effects [Electronic resource] / contributors, Mary D. Ainsworth ... [et al.]. World Health Organization. Available at: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/37819> (accessed date: 30.05.2022).
16. Barrett S. (2020): A Critical Look at Defeat Autism Now! and the «DAN! Protocol» [Electronic resource] // Quackwatch. Available at: <https://quackwatch.org/consumer-education/nonrecorg/dan/> (accessed date: 24.09.2020).

17. Bethlehem R. Structural Covariance Networks in Children with Autism or ADHD / R. Bethlehem, R. Romero-Garcia, E. Mak, E. Bullmore, S. Baron-Cohen // Cerebral Cortex. 2017. №27 (8). Pp. 4267–4276.
18. Bowlby J. Attachment and loss. №1: Attachment. 3 Bände. New York: Basic Books, 1969.
19. Elgar S. Teaching Autistic Children / S. Elgar, L. Wing. London: College of Special Education and N.S.A.C., 1969.
20. Schmidt B. – Sexualität – Partnerschaft. 1. Auflage / B. Schmidt, C. Döhler, D. Döhler. Norderstedt: Books on Demand, 2017. 152 p.
21. Schmidt B. Autism and the Refrigerator Mother Myth: A Rehabilitation of Bruno Bettelheim: Books on Demand, 2019. 76 p.
22. Schmidt B. Autismus und der «Kühlschrankmutter Mythos» Eine Rehabilitierung Bruno Bettelheims: Books on Demand, 2017. 78 p.
23. Schmidt B. Autist und Gesellschaft - Ein zorniger Perspektivenwechsel: Band 2: Hilfen für Autisten? : Books on Demand, 2019. 220 p.
24. Schmidt B. Autist und Gesellschaft. Ein zorniger Perspektivenwechsel. Bd. 1. Autismus verstehen. 2nd edition: Books on Demand, 2021. 146 p.
25. Schmidt B. BauSÄTZE: Begriffe – Gedanken – Hypothesen – Theorien II. Beiträge zur Wissens(chafts)-Psychologie: Books on Demand, 2019. 70 p.
26. Schmidt B. Das Münchhausen Stellvertreter Syndrom als Gruppenphänomen Beiträge zur klinischen Sozialpsychologie: Books on Demand, 2020. 96 p.
27. Schmidt B. Gnothi seauton Autismus «Blaming the Parents» Forschung zwischen Dogma und Tabu: Books on Demand, 2020. 96 p.
28. Schmidt B. Klartext kompakt: Das Asperger Syndrom – nicht nur für Psychotherapeuten / B. Schmidt, A. Ganz. Norderstedt: Books on Demand, 2016. 124 p.
29. Skinner B. Futurum zwei. Die Vision einer aggressionsfreien Gesellschaft. 83-85. Tsd. / B. Skinner, M. Beheim-Schwarzbach. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verl, 1988.
30. Skinner B. The Shaping of a Behaviorist. New York: Knopf, 1979.
31. Tinbergen E. Early childhood autism – an ethological approach / E. Tinbergen, N. Tinbergen. Berlin: Parey, 1972. 53 p.
32. Tinbergen N. «Autistic» children. New hope for a cure / Tinbergen N., Tinbergen E. London: Allen & Unwin, 1983. 362 p.

33. Wing L. Early childhood autism. Clinical, educational and social aspects. New York, Oxford: Pergamon Press, 1976. 342 p.

Schmidt B., Khoziev V. B. Theoretical and empirical models of parenthood in childhood autism (ASD). Pt. I

Abstract: The article analyzes psychological approaches to the problem of parenthood in the autism of a child. The complex phenomena of accepting and not accepting a child with ASD in the family, the peculiarities of the dynamics of maternal attitude and the process of building relationships between parents and doctors and defectologists, as well as the ideas existing in psychology about the «refrigerator» mother as the cause of childhood autism are considered.

Keywords: early childhood autism, autism spectrum disorders (ASD), parenthood, Munchausen syndrome by proxy